

дятся в плохом состоянии, о них часто говорится как о «безводных» (*wšr*), «сухих» (*mšwt*), «заброшенных» (*wšf*) и т. п.

Непонятны двойственные записи размеров некоторых участков, например, в строке 75, 22; так как здесь употреблены только черные чернила, то вряд ли прав Гардиер, выдвигающий гипотезу, что одно из двух чисел указывает облагаемую часть всего участка. По-видимому, это просто указание на разное качество или разное использование подобных клочков земли.

Малый размер участков, а также указание на то, что они находятся в плохом состоянии (а то и вовсе не используются), по-видимому, привело к исключению их из числа облагаемых «долевым» налогом (в противоположность первому варианту записей типа «С»).

Особо следует, однако, отметить, что во всех записях типа «С» упоминаются только отдельные землепользователи (или землевладельцы), но не крупные владетельные центры, такие, как храмы. Между тем, если бы «долевой» налог выплачивался из общей суммы собранного со всего участка налога, то это было бы тягостным только для получателя основного налога. В этом случае в записях «С» должны были бы упоминаться получатели основного налога, а не отдельные земледельцы, как это имеет место в действительности. Следовательно, записи типа «С», прямо указывающие на отдельных земледельцев как на ответственных за выплату «долевого» налога, подкрепляют наше предположение о том, что «долевой» налог был **дополнительной повинностью** для земледельцев.

Суммируем теперь известные нам данные о налоговых записях в папирусе Вильбура.

1. В записях типа «А» указывается как сумма основного налога (фиксируется вся площадь земли), так и величина особого, так называемого «долевого» налога.

Получается запись такого типа (если принять весь надел равным 10 арурам, а норму налогового обложения — 5 *хар* с одной аруры): «10 (арур), (по) 5 *хар*, (всего) 50 *хар*. Доля дома бога (имя рек) — $3\frac{3}{4}$ *хар*» (т. е. 7,5% от 50 *хар*).

2. В записях типа «В» имеется в виду прежде всего получатель «долевого» налога, и потому упоминается только он один. Кроме того, здесь указывается, каким образом раскладывался данный налог; отмечается как весь участок (обычно выраженный в земле *каит*), так и $\frac{1}{4}$ часть его, урожай с которого подлежит этому обложению. Вся сумма отчисления, однако, не определяется. Получается запись такого типа: «Дом бога (имя рек). Земледелец (имя рек), доля (за) земли храма (однако не данного „дома бога“.— И. С.)— 10 (арур), $2\frac{1}{2}$ (аруры), (по) $1\frac{2}{4}$ *хар*».

3. В записях типа «С» указывается, что вся тягость дополнительного «долевого» обложения ложится лишь на плечи непосредственного хозяина участка. Получается запись такого типа: «Земледелец (имя рек). Участок земли „Х“, (по) $1\frac{2}{4}$ *хар*».

И. А. Стучевский

ЭВОЛЮЦИЯ *ḥḫm* В ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОМ ЕГИПТЕ В СВЕТЕ P. Rev. L. и PP. TEVT. 703 и 5

Изучение царских монополий в эллинистическом Египте, одной из которых была *ḥḫm*, имеет большое принципиальное значение в современной исторической науке, поскольку оно выясняет характер царского хозяйства Птолемеев. В буржуазной историографии собран и систематизирован по этому вопросу значительный материал. Но модернизаторская точка зрения на сущность птолемеевских монополий предreshала анализ конкретных отношений или способствовала частичной замене анализа более или менее подробными описаниями¹.

¹ Среди зарубежной историографии, касающейся вопроса о птолемеевских монополиях, см.: U. Wilcken, Grundzüge und Chrestomathie der Papyrskunde, т.

Следует отметить, что среди реакционной части буржуазных историков в разное время предпринимались попытки дискредитировать государственное плановое хозяйство на материале истории древнего Востока и эпохи эллинизма². Таким образом, вопросы эллинистического государственного хозяйства, частью которого были птолемеевские монополии, являются не только актуально научной, но и политической проблемой.

Между тем в советской историографии царские монополии эллинистического Египта пока кратко освещены только в учебниках и в отдельных научно-популярных изданиях³. В пока единственной монографии по эпохе эллинизма А. Б. Рановича⁴ специального исследования о птолемеевских монополиях не имеется. Предлагаемая вниманию читателей статья задумана как скромная попытка приступить к частичному заполнению этого пробела.

Как известно, перед тем как переходить к широким обобщениям, всегда необходимо исследовать составные части проблемы. Такой составной частью вопроса об организации и функционировании птолемеевских монополий вообще и всего царского хозяйства эллинистического Египта является история *ἰσομετρία* — тема данной статьи. Следует отметить, что еще в начале нашего века выдающийся русский папиролог М. М. Хвостов одним из первых приступил к систематическому изучению текстильного производства и торговли в греко-римском Египте. Его известная монография на эту тему начала печататься в Ученых записках Казанского университета с января 1912 г., а в 1914 г. вышла отдельной книгой⁵. М. М. Хвостов исследовал свой предмет в зво-

I, часть 1, Lpz.—В., 1912, стр. 245 сл., и библиография на стр. 239; Cl. P r é a u x, *L'économie royale des Lagides*, Bruxelles, 1939, стр. 61 сл. и библиография на стр. 577 сл.; M. R o s t o v t z e f f, *SEHNW*, т. I, Oxf., 1941, стр. 268 сл., стр. 300 сл.; библиографию см. т. III, стр. 1388 сл. (в примечаниях); F. M. H e i c h e l h e i m, *Recent Discoveries in ancient economic History*, «Historia», II, 1953, стр. 129 сл.; Cl. P r é a u x, *Sur les origines des monopoles des Lagides*, «Chronique d'Égypte», 1954, № 58, стр. 312 сл. Обзор птолемеевских монополий в истории права см.: R. T a u b e n s c h l a g, *The Law of gresco-roman Egypt in the light of the Papyri 332 B C — 640 A D*, Warszawa, 1955, стр. 384 сл.; 469 сл., 658 сл. и библиография в примечаниях.

² M. R o s t o v t z e f f, *The Foundations of Social and Economic Life in Egypt in Hellenistic times*, «Journal of Egypt. Arch.», VI, 1920, стр. 161 сл., где он впервые выступил с так называемой теорией «эстатизма», в которой на примере эллинистического Египта пытался доказать пагубность государственного регламентирования хозяйства. См. также F. M. H e i c h e l h e i m, *Wirtschaftsgeschichte des Altertums*, Leiden, 1938, I—II. В предисловии к этой работе автор отмечает, что на примере государственного планового хозяйства, существовавшего, по его мнению, в древности на Востоке, он намерен вести идеологическую борьбу против государственной плановой системы хозяйства в наши дни. В послевоенной буржуазной историографии о чертах социализма в государственном хозяйстве отдельных эллинистических стран говорит, например, в своем известном труде J. P i r e n n e, *Les grands courants de l'histoire universelle*, I, *Des origines à l'islam*, 1950, P., стр. 234.

³ А. Н. Тюменев, *История античных рабовладельческих обществ*, М.—Л., 1935, стр. 128 сл.; С. И. Ковалев, *История античного общества, эллинизм*, Рим, Л., 1936, стр. 24 сл.; В. С. Сергеев, *История древней Греции*, М., 1939, стр. 315 сл.; изд. 1948 г., стр. 410 сл.; И. Лурье, К. Ляпунова, М. Матые, Б. Пиотровский, Н. Флятнер, *Очерки по истории техники древнего Востока*, М.—Л., 1940, стр. 247 сл.; «Эллинистическая техника» — сборник статей под ред. акад. И. И. Толстого, М.—Л., 1948. См. статью М. И. Максимова, *Техника текстильной промышленности*, стр. 250—251.

⁴ А. Б. Ранович, *Эллинизм и его историческая роль*, М.—Л., 1950, стр. 200 сл.

⁵ М. Хвостов, *Очерки организации промышленности и торговли в греко-римском Египте*. 1. *Текстильная промышленность в греко-римском Египте*, Казань, 1914 г. Об *ἰσομετρία* см. стр. 44—73.

люция от фараоновских времен до времени Диоклетиана. Он собрал, сгруппировал и проанализировал большой материал источников, известных в то время. В буржуазной историографии докторская диссертация М. М. Хвостова и до настоящего времени осталась одной из наиболее серьезных работ по текстильному производству в греко-римском Египте. Но, разделяя с большинством своих коллег модернизаторские взгляды на историю древнего мира, М. М. Хвостов, как и другие его современники, считал эпоху эллинизма периодом развития от феодализма фараоновских времен к капитализму. По вопросу о текстильной монополии М. М. Хвостов считал, что, исходя из источников, которыми обладали исследователи в начале XX в., допустимо говорить о существовании в эллинистическом Египте только «монополизации торговли льняными тканями», да и то, возможно, неполной. Производство же было частным (там же, стр. 72—73). А производство и торговля шерстью вообще не были монополизированы (стр. 94—95). Хотя в пределах эпохи эллинизма М. М. Хвостов и не отметил каких-либо изменений в льняной монополии, но он справедливо подчеркнул общую тенденцию в сторону развития частно-собственнических отношений в торговле льняными тканями, особенно выявившуюся, по его мнению, только в римское время.

Почти одновременно с монографией М. М. Хвостова в западноевропейской историографии вышла книга Т. Рейля, посвященная ремеслам эллинистического Египта. Описывая целый ряд ремесел, Т. Рейль на нескольких страницах уделяет специальное внимание и текстилю⁶. Не предлагая в этом разделе чего-либо нового по сравнению с работой М. М. Хвостова, монография Т. Рейля уступает ей тем, что для доказательства своих положений он привлекает документы эллинистического, римского и византийского периодов, не учитывая того, что последние моложе первых почти что на тысячу лет⁷. Недостаток папирусных данных мог до некоторой степени оправдывать статический подход к теме со стороны ученых начала XX века.

Но и в дальнейшем исследователи, разбирая вопросы функционирования текстильной монополии, нередко считают возможным привлекать документы без строгого соблюдения хронологической последовательности. Так, например, Ф. М. Хайхельхейм в своей насыщенной папирусными материалами статье о текстильной монополии в 31 томе RE⁸, не находит на всем протяжении почти 300-летнего существования эллинистического Египта какой-либо эволюции в этой области. В пределах изучаемого периода он оперирует данными разных веков и разных отраслей текстильного производства (ἐρίφρα, ὀφειφρα, στήλιον).

Подробное описание различных особенностей существования текстильной монополии содержится в капитальной монографии Клер Прео о царском хозяйстве Лагидов⁹. Как и другие исследователи, она обращает внимание на то, что, наряду с льняной монополией, в государстве Птолемеев все время существовал довольно значительный слой частных предпринимателей, а производство и торговля шерстью не регламентировались. Исходя из положения, что в государстве Птолемеев происходил процесс развития от царского, восходящего к фараоновским временам, права собственности к частному праву, исследователь тем не менее пользуется документами, не всегда достаточно учитывая время, когда они были изданы. Поэтому обстоятельная картина, нарисованная Кл. Прео, также имеет элементы статичности.

Краткая характеристика текстильной монополии имеется также в монументальной обобщающей работе Р. Таубеншлага «Право греко-римского Египта в свете папирусов, 332 до н. э. — 460 н. э.»¹⁰. Он рассматривает производство и торговлю льняными

⁶ Th. Reil, Beiträge zur Kenntnis des Gewerbes im hellenistischen Ägypten, *Borna — Leipzig*, 1913, стр. 5 сл., стр. 93 сл., стр. 97 сл.

⁷ Там же, стр. 97 сл., стр. 108 сл. и др.

⁸ RE, т. 31, s. v. Monopole, стб. 175—181, 1933, Stuttgart.

⁹ P r é a u x, L'économie royale des Lagides, стр. 93—116.

¹⁰ R. Taubenschlag, The Law of greco-roman Egypt in the light of the Papyri 332 B C—640 A D, т. II, Warszawa, 1948, стр. 85 сл., и второе издание, исправ-

и шерстяными изделиями на особенно широкой источниковедческо-историографической основе. Он также отмечает, что производство и торговля льняными изделиями находились под строгим контролем государства: гораздо меньший контроль был за производством и торговлей шерстью. Таубеншлаг указывает на большое распространение ткачей, выступающих как частные собственники. Свой краткий очерк Р. Таубеншлаг заключает соображениями о том, что в римский период государственные монополии, очевидно, были отменены.

Я остановился только на некоторых выдающихся работах, в которых в большей или меньшей степени исследовалась рассматриваемая в данной статье проблема, и тех точках зрения, которые в основном определили ее понимание в современной буржуазной науке.

Таким образом, изучая льняную монополию, буржуазные исследователи отмечают ее неполный характер, выражавшийся в постоянном наличии целого слоя частных ремесленников-ткачей, и тенденцию развития этой монополии в сторону усиления частного предпринимательства, особенно проявившуюся в римское время. Понимают они этот процесс как сочетание и преодоление феодального наследия капиталистическими отношениями и только с этой предвзятой точки зрения анализируют приводимые ими интересные документальные данные, уделяя большое внимание юридической форме.

В советской историографии *ἰδωμῆρα* пока специально не изучалась. Краткие сведения о ней имеются только в отдельных уже упоминавшихся выше учебниках по истории древнего мира и в научно-популярных изданиях по истории техники¹¹.

Документальные данные, имеющиеся в настоящее время в распоряжении исторической науки, дают возможность в большей степени, чем это используется до сих пор, изучить в эпоху эллинизма особенности *ἰδωμῆρα* в их эволюции. По возможности точный хронологический подбор папирусных документов имеет здесь решающее значение.

Основными обобщающими источниками, содержащими важные сведения о льняной монополии и о положении ткачей этой монополии в эллинистическом Египте, как известно, являются: Податный Устав царя Птолемея II Филадельфа от 259—258 гг. до н. э.¹² (P. Rev.-SB/Bh.1, стб. 81—107) и P. Tebt. 703, стк. 87—117, документ конца III в. до н. э. или, точнее, обнародованный, как я полагаю, между 216 и 208 годами до н. э.¹³ Третьим обобщающим источником, содержащим краткие, но важные сведения по истории льняной монополии и о положении льноткачей в эллинистическом Египте, является P. Tebt. 5, стк. 62—64, 168—177, 231—251, изданный в 118 г. до н. э.¹⁴ Наибольшее значение среди них следует признать за P. Tebt. 703, так как Податный Устав в разделе о текстильном ремесле и торговле дошел до нас в очень поврежденном виде, а P. Tebt. 5 дает только несколько, хотя и очень важных, указаний по изучаемому вопросу. Эти три документа общеегипетского значения являются веками, вокруг которых полезно попытаться сгруппировать другие относящиеся к *ἰδωμῆρα* отдельные документы частного содержания. Таким образом можно будет проследить изменения, происходившие в практике льняной монополии, и изменения в положении льноткачей в разные периоды существования эллинистического Египта.

ленное и дополненное: «The Law of Ptolemy's Egypt...», в одном томе, Warszawa, 1955, стр. 670 сл. (здесь же в примечаниях см. библиографию).

¹¹ В своей известной монографии об эллинизме А. Б. Ранович уделит льняной монополии только $7\frac{1}{2}$ строк, указав в ссылке на монографию М. М. Хвостова. Р а н о в и ч, Эллинизм, стр. 202.

¹² Revenue Laws of Ptolemy Philadelphus, ed. by B. P. Grenfell and an introduction by J. P. Mahaffy, Oxf., 1896; изд. 2: Jean Bingen, Pap. Rev. Laws (новое издание с индексом), Sammelbuch, Beiheft № 1, Göttingen, 1952.

¹³ The Tebtunis Papyri, т. III, ч. 1, L., 1933, стр. 66 сл.; ВДН, 1947, № 1, стр. 249 сл.

¹⁴ The Tebtunis Papyri, т. I, L., 1902. См. введение и комментарии к P. Tebt. 5, стр. 17 сл.

Как известно, льняное производство было одним из древнейших и очень распространенных в Египте. Меновая торговля с соседними и более отдаленными странами также издавна практиковалась. Судя по известиям Геродота (II, 105; III, 47) и другим источникам, египетские льняные ткани и изделия из них поступали в Грецию еще в Саисский период и в более позднее время. Птолемеи усвоили практику фараонов и номархов, накапливавших в своих складах запасы продуктов, сырья и ремесленных изделий для нужд армии, флота и чиновников, а также для внутренней и преимущественно внешней торговли.

Податный Устав Птолемея II Филадельфа знакомит нас с учреждением птолемеевских монополий, с их организацией в середине III в. до н. э. и с целями, которые преследовало при этом правительство. Как и другие важнейшие отрасли производства в эллинистическом Египте, *ἄβουηρά* была тесно связана с сельским хозяйством. Изучая содержание всего Податного Устава¹⁵, можно установить, что с первых же шагов законодательного оформления царские монополии отличались друг от друга по своей организации и по степени монополизации производства и торговли. Единства организационных форм и функционирования не было и впоследствии. Текстильная монополия в Податном Уставе включает в себя изделия из льна, шерсти и конопли (*ἄβουηρά, ἐρίηρά, στόπλιον*), но в дальнейшем и эти отрасли потеряли свое первоначальное организационное единство. Возможно, что уже и в Податном Уставе были зафиксированы некоторые различия в их положении, но фрагменты Устава не дают на это прямого ответа.

Изучая структуру *ἄβουηρά*, как она сохранилась в отрывках Устава, можно установить ее сходство с организацией масляной монополии — *ἐλαϊκή*. Поскольку лен являлся также сырьем для выработки растительного масла, то районы маслоделия и ткачества частично совпадали. О производстве льняного семени как монополизированном производстве говорится в 39,7 стб. Устава и, вполне возможно, в другом восстановленном месте тоже упоминалось льняное семя (стб. 55,6). Хотя в расписании посевов масличных культур по номам (Устав, стб. 60—72) лен не упомянут, но в предыдущих столбцах, содержащих уточнения и дополнения к закону об *ἐλαϊκή* (стб. 57, 19 = 59,22), среди других масличных растений, возделывание которых регулировалось правительством, упоминается и лен. Если сравнивать правила, которыми регулировалась масляная монополия, с нормами, принятыми для текстильной монополии (фрагменты стб. 87—107), то мы найдем достаточно сходных выражений и терминов, которые указывают на то, что посев льна регулировался с учетом потребностей текстильной монополии, что были установлены количества льна-сырца, сдаваемого производителями откупщикам под контролем эконома и антиграфейса (стб. 96), а также и то, что существовали твердые цены на лен-сырец и на текстильные изделия: полотняные ткани, хитоны и др. вещи (стб. 98). В стб. 91—93 речь идет о запрещении или ограничении ввоза тканей из-за границы, а также о доставке местного *ἄβουίον* в Александрию. Запрещение ввоза определенных материй из-за границы, несомненно, преследовало цель — продать местные монополизированные изделия по возможно более высоким ценам. Подобным же ограничениям в ввозе, как известно, подвергалось и заграничное растительное масло (стб. 52). В столбце 103 правительство устанавливает расписание твердых продажных цен одновременно на изделия из льна, конопли и шерсти (*τῶν [τιμῶν] τῶν [βύσσιν] καὶ τῶν στόπλαιων καὶ ἐρίων*), рассматривая их как принадлежащие к одной текстильной монополии.

Что большие массы льняной ткани и пакли в ближайшие десятилетия после издания Податного Устава были сосредоточены в птолемеевской казне, можно заключить из сообщения Полибия (V, 89,3) о том, что Птолемей III отослал пострадавшим от землетрясения родосцам в числе различных даров: *στόπλιον τρισχίλια, ἄβουίον*

¹⁵ Помогает нам в этом и второе исправленное и дополненное издание текста P. Rev., осуществленное J. Bingen'ом в 1952 г. См. также Bingen, Contribution au texte du papyrus des Revenne-Laws, «Chronique d'Égypte», 1949, № 47, стр. 113—122.

ἰστός τρισχάλιος. О ткани для парусов идет речь и в фрагменте Податного Устава (стб. 94) τὸν ἰστὸν (δρ) κε τὰλ [. . .¹⁶]. О столь больших запасах шерсти в казне источники не упоминают. Очевидно, во время оформления монополий в период издания Податного Устава, хотя лен, конопля и шерсть были объединены в одну текстильную монополию, основным объектом монополии остался лен. О производстве канатов и грубой ткани из конопля пока достаточных сведений нет, и этой отрасли текстильной монополии в данной статье мы касаться не будем.

Более новое и менее распространенное в Египте производство шерсти, по-видимому, с самого начала было затронуто монополией в гораздо меньшей степени. Сбыт египетских шерстяных изделий на внешнем рынке не мог по своим размерам сравниться со сбытом изделий из льна. Восточное Средиземноморье имело другие старые прославленные центры производства шерстяных изделий, с которыми египетская шерсть не могла успешно конкурировать. Внутри страны шерстяные ткани потребляли главным образом греки и македоняне и другие пришлые или эллинизированные меньшинства. Поэтому правительство не было заинтересовано в строгом выполнении первоначально распространявшегося и на шерсть указа о монополизации ее выделки или продажи. Другое дело монополия льна. Древнейшее производство в Египте, оно было широко распространено и имело хороший сбыт как внутри страны, так и за ее пределами. Кроме того, льняные ткани в большей степени, чем шерсть, были нужны для армии и флота.

Основываясь главным образом на хорошо сохранившейся части Податного Устава, посвященной учреждению монополии растительного масла (стб. 49) части P. Tebt. 703, регулирующей функционирование ἰθουίηρα в конце III в. до н. э., на основании ранее изданных положений (стк. 87—117), а также на основании отдельных частных документов (напр., P. Ent. 5 = P. Magd. 36), можно установить, что при учреждении монополии частично были конфискованы ткацкие станки, а те станки, которые были оставлены у ткачей, тщательно зарегистрированы и находились на учете у эконома. Царские мастерские вырабатывали различные льняные ткани под надзором эконома. Продолжали существовать частные мастерские отдельных ткачей (P. P. Hibeh. 51 и 67; P. Ent. 5) и мастерские при храмах и на дарственных землях. На последние указывают отдельные папирусы из архива Зенона (напр., PSI, 599). Таким образом, производство в льняной монополии было сосредоточено в царских и частных мастерских. Этим льняная монополия отличалась от монополии растительного масла, выработка которого была сосредоточена исключительно в царских мастерских, если не считать того, что храмам было разрешено в течение двух месяцев в году вырабатывать для храмовых потребностей особое сезамовое масло (Податный Устав, стб. 51). Более громоздкое оборудование при относительно низкой квалификации работников-маслоделов дало возможность Птолемаем сконцентрировать все производство масла в царских мастерских. Этого не удалось полностью достичь в ткацком ремесле ввиду большей портативности ткацкого оборудования и значительно более высокой ремесленной квалификации ткачей, рассеянных по стране и работавших на дому или в мелких мастерских. При введении льняной монополии владельцы ткацких мастерских не сразу примирились со своим новым положением. На храмовых землях мастерские не выполняли обязательного правительственного заказа на виссон, а ткали по частным заказам. Кроме того, они избегали платить взимаемый в серебряной монете сбор за право ткать виссон. Это видно из P. Tebt. 702 — служебного письма, посланного около 260 г. до н. э. вышестоящим чиновником, очевидно, местному эконому (начало письма не сохранилось). Неподчинение было упорным. Чиновник безуспешно писал несколько раз.

По всей стране, подобно регулированию посева других масляных растений, регулировался и посев льна. Но он регулировался особо — для нужд ἰθουίηρα, что видно из фрагмента Податного Устава (стб. 87) и отдельных PCZ: P. Lille, I, 31; P. Petrie, II, 28, стб. V и др. В этом отношении интересен P. Tebt. 769, по-видимому, от 237—

¹⁶ Cp. Wilcken, Grundzüge. . . , I, стр. 245 и 254, Ostraka, 1, стр. 266.

236 гг. до н. э. Довольно фрагментированный папирус содержит длинное прошение одного предпринимателя (начало прошения не сохранилось, и нам неизвестно его имя), по-видимому, откупщика посевов льна на царской земле, так как с урожая на этой земле полагался натуральный платеж в казну — *ἰκφόριον*. Как видно из содержания прошения, диойкет ежегодно устанавливал размеры площади посевов льна и, в частности, в данном году увеличил площадь на 1550 арур. Разведение льна было важной отраслью сельского хозяйства, особенно интересовавшей царскую казну. На это неоднократно указывает автор прошения, который несколько лет занимался организацией разведения льна на царской земле силами крестьян, которым из казны выдавались заимообразно средства на покупку семян. Урожай льна давал продукцию двух родов: маслячные семена и волокна. Цены на льняное волокно, несмотря на предписание в Податном Уставе фиксировать их (стб. 103), практически даже через три десятка лет после его издания были далеко не всегда и не везде фиксированы. Возможность предполагать это дает P. Tebt. 769, в котором сообщается, по какой цене было продано такое-то количество волокон. Более ранние документы из архива Зезона (напр., PCZ. 59470) свидетельствуют, что льноволокно продавалось из *δωρεά* по нефиксированным ценам за пределы *δωρεά*. Льноволокно производили на своих участках и клерухи (напр., PP. Lille, 31; 33; 34; 36; 37). Производство льняных тканей через два-три десятилетия после издания Податного Устава было рассредоточено, кроме царских эргастериев, в частных мастерских в различных населенных пунктах *χώρα*. Но в 228—227 гг. до н. э. ткачи, изготовившие разные сорта полотна, сдавали готовую продукцию в царскую казну по установленным ценам, что видно из P. P. Hibeh. 67 и 68. Могли ли они после сдачи определенного количества и ассортимента тканей в казну продавать остальную ткань частным образом? По-видимому, могли теоретически, поскольку они сами покупали сырье. Но практически такую продажу не всегда можно было осуществить из-за возросших требований царской казны. Это видно из P. Ent. 5 — документа, приблизительно синхронного двум предыдущим. Требования казны были так велики, что два владельца льноткацкой мастерской в городе Крокодилополисе в прошении на царское имя просили разрешить им перестройку мастерской, чтобы иметь возможность сдать предписанное им количество тканей для обязательной продажи в казну. Таким образом, мастерская работала не только исключительно для нужд казны, но даже не могла полностью выполнять возросший обязательный заказ. Мастерская находилась под строжайшим контролем финансовой администрации, владельцы мастерской не имели права производить в ней переделки без разрешения властей. Сами владельцы писали: *ἐπάρχοντος ἡμῶν λιμναυτῶν* (стк. 2), т. е. признавали известную ограниченность их права собственности на мастерскую, хотя расширять ее собирались на свой счет. И действительно, исходя из постановлений Податного Устава и P. Ent. 5, видно, что льняная монополия ограничивала право распоряжения тканями принадлежавшими им ткацкими станками, в чем проявляется тенденция законодательства ограничить деятельность самостоятельно работавших ткачей¹⁷.

Яркая обобщающая картина развития льняной монополии содержится в инструкции эконому — P. Tebt. 703 (стк. 87—117). Она сообщает и ряд новых данных для освещения форм существования и текущей практики льняной монополии в конце III в. до н. э. *ἰδουμένη* в общеегипетском масштабе, так как инструкция была послана диойкетом не в один какой-либо ном, а всем номовым экономам. Инструкция эконому констатирует в конце III в. до н. э. повсеместное распространение на царской земле царских льноткацких эргастериев и царских варшлен льна-сырца. Частные же документы предшествовавшего времени указывали на то, что частно работавшие ткачи и мастерские покупали льняное сырье у откупщиков по колеблющимся ценам. А в конце III в. до н. э. распространение царских льноткацких эргастериев и льноварилен, несомненно, сократили возможности для работы частновладельческих мастерских. Усилиями *ἰδουμένη* спо-

¹⁷ О низком социальном и тяжелом материальном положении ткачей см. H. Thierfelder, Zur sozialen Lage der Weber im ptolemäisch-römischen Ägypten, «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1957, Heft 1, стр. 121.

собствовало постепенное упразднение *δδφρασί*, высокопоставленные владельцы которых, как видно из папирусов архива Зенона, были наименее связаны учрежденной в середине III в. до н. э. *ἄφοιτήρα*. В положении *ἄφοιτήρα* в конце III в. до н. э. много сходного с положением *ἑλακίη* в Податном Уставе и в том же P. Tebt. 703. Упоминание имени эконома в фрагментах Податного Устава, трактующих о текстильной монополии, исчерпывающе разъясняется в P. Tebt. 703. *ἄφοιτήρα*, как и другие отрасли царского хозяйства и вообще финансов, в пределах нома были в ведении экономов. Не только льняное сырье было монополизировано, но и материалы, необходимые для варки льна-сырца, тоже входили в состав монополизированных предметов. Касторовое масло являлось составной частью масляной монополии, а натр—каустическая сода—был объектом другой царской монополии — на соду. То обстоятельство, что все виды сырья, необходимые для производства полотен, были объектами трех царских монополий на сырье, способствовало в течение второй половины III в. до н. э. (со времени издания Податного Устава и до конца III в. до н. э. при активном участии финансовой администрации) укреплению и распространению льняной монополии в производстве и торговле. Распространенные на царской земле в *χῆρα* льноткацкие царские эргастерии находились под строжайшим контролем финансовой администрации. Для каждого нома составлялась специальная диаграмма ассортимента тканей, выполнение которой было обязательным. Эта диаграмма для готовой продукции аналогична диаграммам посевов льна для волокна, маслососных растений и упоминающимся в начале P. Tebt. 703 общим номовым расписаниям посевов — *διαγραφή τοῦ ὅτερου* (стк. 57—58). Строго контролировались и варильни льна-сырца, которые каждый сезон подлежали регистрации и заносились в особый список.

Государственное снабжение льноварен касторовым маслом и натром осуществлялось под непосредственным руководством самого диоикета. Изъятие и опечатывание бездействующих ткацких станков, тщательный ежемесячный учет продукции и доходов отождествляют положение льноткацких эргастериев с эргастериями по производству растительного масла. Характерно, что диоикет, автор инструкции, сохранившейся в P. Tebt. 703, говоря о маслодельнях, ничем не отличает их по их статусу от льноткацких мастерских. P. Tebt. 703 подтверждает точную регистрацию ткачей, льноткацких мастерских и станков. Ткачи получали официальные задания, которые доводились до их сведения, вероятно, экономом, через подведомственную ему администрацию, и откупщиками. Задания распределялись на основании диаграммы, составленной финансовой администрацией на весь ном. В диаграмме были точно указаны количество и качество льняных тканей и сорта тканей, распределенные для выполнения ежемесячно. Ткачу поручали выткать в течение месяца определенное количество штук тканей определенных сортов. Если ткач не выполнял месячного задания, то должен был оплачивать недоимку по ценам, установленным в диаграмме для каждого сорта. Хотя ткачи и находились в одной мастерской, но производственный процесс каждого из них протекал индивидуально, разделения труда внутри мастерской не было. Каждый ткач умел изготовлять не один, а несколько сортов материй. Свой заработок ткач получал в форме оплаты по твердым ценам сдаваемой им ежемесячно готовой продукции. В случае недоимки из заработка ткача, очевидно, вычиталась соответствующая сумма. Сдаваемое полотно должно было быть хорошим и иметь плотность, предписанную диаграммой. Об этом особенно должен был позаботиться эконом, так как ткачи, вероятно, не прочь были подсунуть при сдаче несортную продукцию. Как видно из текста инструкции в P. Tebt. 703, в конце III в. до н. э. были случаи и перевыполнения месячной нормы выработки льняных тканей. Перевыполнение записывалось в счет нормы следующего месяца. Очевидно, перевыполняли нормы отдельные ткачи. Что побуждало отдельных ткачей перевыполнять месячную норму? Может быть, возможность ткать некоторое время в частном порядке? Опечатывание бездействующих ткацких станков не может служить достаточным основанием для возражения против возможности такой работы, так как станок ткача, работавшего в свою пользу с разрешения эконома, не бездействовал. Как известно, льняное волокно ткачи, работавшие вне царских эргастериев, покупали на свои средства, обрабатывали его и затем выделывали

вали ткани для продажи в казну. Такая работа могла быть более выгодна для ткачей, обязанных работать в царских льноткацких эргастериях, и они для нее использовали то время, которое] открывалось для них в результате записи перевыполнения данной месячной] нормы в счет нормы следующего месяца.

Из фактов перевыполнения отдельными ткачами месячных норм выработки льняных тканей в царских эргастериях нельзя вывести заключения об общем успешном функционировании льняной монополии. Наоборот, картина, вырисовывающаяся из общего содержания Р. Теbt. 703 и из содержания строчек, посвященных εδομτρά, указывает на обратное. Двойкет в первых же строках инструкции о мероприятиях в области εδομτρά требует от эконома приложить все старания для того, чтобы по возможности наибольшее количество ткацких станков работало и чтобы ткачи изготавливали полностью падающий по диаграмме на ном ассортимент льняных тканей. Работали не все станки, в общем и целом ткачи недовыполняли предписанную диаграммой ному. В особенности] не выполнялось требуемое «разнообразие» (ποικιλία, стк. 93) продукции. Ткачей штрафовали за невыполнение ими своих обязанностей. То обстоятельство, что неработающие ткацкие станки в обязательном порядке перевозились в метрополинома, складывались в кладовые и опечатывались, точно так же как это имело место и в монополиях по производству растительного масла, указывает на то, что они были собственностью царской казны. Так как ткацкие станки не были громоздкими, в отличие от маслодельного оборудования, то их можно было использовать не только в царских эргастериях. Отсюда иначе можно понять и заявление владельцев льноткацкой мастерской в Р. Еpt. 5 — документе конца III в. до н. э. — о разрешении владельцам произвести в интересах казны переделку в принадлежавшей им льноткацкой мастерской. Возможно, что они работали не на своих, а на царских ткацких станках. Последние десятилетия III в. до н. э. были периодом наиболее строгой регламентации государства] в производстве льняных тканей, когда учитывалось производство льна не только в царских эргастериях, но даже и в частных мастерских. Постоянные недоимки в получении готовой продукции и перебой в государственном снабжении льноварилен касторовым маслом и натром при одновременном усилении государственного контроля в конце III в. до н. э. были связаны с общим тяжелым и напряженным положением в Египте вследствие массовых восстаний эксплуатируемого населения после Четвертой Сирийской войны. Не хватало маслоделов, ткачей и других ελοτελετς. Многие из них, недавние повстанцы, вернувшись к станкам, небрежно относились к делу.

Перед тем как перейти к рассмотрению процесса развития εδομτρά во II в. до н. э., сделаем некоторые общие замечания относительно особенностей развития льняной монополии в период от времени издания Податного Устава до времени издания Р. Теbt. 703 включительно.

Правительство, первых Птолемеев произвело мобилизацию наличных материальных ресурсов Египта, используя для этого местную традицию верховной собственности царя на землю, усиленную правом завоевания. Мобилизация материальных ресурсов была первоначально необходима для занятия видного места государством Птолемеев среди других эллинистических государств в период войн диадохов и эпигонов. Это видное место было тесно связано с военным, а в условиях развития товарного производства в IV—III вв. до н. э. и торговым могуществом Египта, прежде всего в восточном Средиземноморье.

Принудительная мобилизация ресурсов была в основном завершена при Птолемеи II Филадельфе. Податный Устав является документом, в котором зафиксированы мероприятия по мобилизации ресурсов в ряде отраслей египетского хозяйства и финансов. Мероприятия эти производились в условиях в основном пассивной враждебности трудящегося и эксплуатируемого населения завоеванной страны.

Обращаясь к текстильному ремесленному производству и торговле текстилем в Податном Уставе и других документах III в. до н. э., следует отметить, что Птолемеи использовали большое количество имевшихся в стране квалифицированных ткачей, работавших при помощи ручных орудий труда. В принудительном порядке был про-

изведен опыт простого кооперирования труда ткачей в парских мастерских. Эта простая кооперация в условиях *ôdovirâ* сначала сосуществовала с производством отдельных ремесленников, число которых сократилось в конце III в. до н. э., а в условиях *êlakik* производство отдельных ремесленников было почти вовсе исключено. «Спорадическое применение кооперации в крупном масштабе в античном мире, в средние века и в современных колониях покоится на отношениях непосредственного господства и подчинения, обыкновенно на рабстве»¹⁸. «В колоссальном масштабе действие простой кооперации обнаруживается в тех гигантских сооружениях, которые были воздвигнуты древними азиатскими народами, египтянами, этрусками и т. д.»¹⁹. Но была ли экономическая необходимость в постоянно действующей простой производственной кооперации в рабовладельческом обществе, являлась ли она органической, составной частью производства в рабовладельческом обществе, без которой последнее не могло существовать? На эти вопросы следует ответить отрицательно. И К. Маркс указывает именно и на спорадичность применения кооперации в крупном масштабе в рабовладельческом обществе и на прямое принуждение как на ее внеэкономическую базу.

Рабовладельческое государство Птолемеев, организуя производственные монополии, присваивало орудия производства собственников-ремесленников. Организуя торговую монополию, оно стремилось использовать в условиях развивающегося товарного производства внутреннюю и внешнюю торговлю в интересах государственной казны. Правительство Птолемеев высокими ввозными таможенными пошлинами и прямыми запрещением ввоза монополизированных товаров боролось с заграничной конкуренцией; запрещая частную торговлю монополизированными товарами внутри страны, оно само продавало эти товары по наиболее высоким монопольным ценам с наибольшей выгодой для царской казны при посредстве откупщиков. Запрещение выработки и частной торговли монополизированными товарами являлось мерой борьбы с внутренней конкуренцией, неизбежной в условиях частной торговли. Таким образом, производственная монополия мобилизовала производство отдельных ремесленников в интересах рабовладельческого государства, а монополия торговли ликвидировала возможность конкуренции внутри страны в условиях увеличения товарного производства и усиливала позицию Египта во внешней торговле, позволяя выбрасывать на внешние рынки большие количества товаров по примерно единым ценам. Обе монополии в конечном счете действовали в интересах казны, т. е. имели фискальный характер. Ограбляя массы местного населения, монополии давали большой доход казне, которая употребляла его в основном на непроизводительные цели: на армию и флот и на ведение войны, на содержание двора и чиновников. Монополии не вырастали органически из потребностей ремесла и торговли, а были результатом активности государственной надстройки, и в этом отношении они были «искусственными, т. е. произвольными», по выражению французского экономиста Росси о докапиталистических монополиях, которое цитирует К. Маркс в работе «Ныщета философии»²⁰. В этом была слабость птолемеевских царских монополий. Стимулируя производство, основанное на ручном труде, усиливая его товарность, Птолемеи способствовали тем самым объективному развитию экономики, т. е. в данных условиях развитию античной рабовладельческой формы собственности. Поэтому птолемеевские государственные монополии были недолговечны. Отрасли производства с более портативными орудиями и более квалифицированными ремесленниками, например, ткачами, особенно сопротивлялись полной монополизации и за время существования монополий быстрее перешли к частному производству. Особенности, существовавшие в рабовладельческом египетском обществе в виде разного рода зависимых от государства слоев населения, связанного с общинами, способствовали на первых порах созданию монополий, но растущее товарное производство разрушало эти особенности, усиливало имущественное неравен-

¹⁸ К. Маркс, Капитал, I, ГИПЛ, 1955, стр. 341.

¹⁹ К. Маркс, ук. соч., стр. 340.

²⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 166.

ство и создавало новые возможности для частного производства, характерного для античной формы собственности. Хотя средства труда, сырье, находившееся в основном в руках государства, и государственная власть облегчали монополизацию, но ведущими в развитии производительных сил являются не средства, а именно орудия производства, они-то и предопределили упадок ряда монополий вместе с ослаблением и упадком государственной власти Птолемеев. Мелкие производители-ткачи в Египте, которые должны были быть экспропрированы, по Податному Уставу, пассивно сопротивлялись этим мерам более успешно, чем маслоделы, так как последние работали на более громоздком оборудовании, сосредоточенном не в домах, а в мастерских. Храмы и владельцев *δωρεαί* менее всего затронула *δδωμνηρί*.

На протяжении второй половины III в. до н. э. процесс усиления *δδωμνηρί* продолжался и достиг кульминационной точки при Филопаторе, так как царские льноткацкие мастерские были рассеяны по всей стране, то ткачи и в это время могли ткать и частным образом. Начиная с начала II в. до н. э. *δδωμνηρί* постепенно ослабевает. Хотя *δωρεαί* уже в основном не существовало, но возрастает иммунитет храмов, а следовательно, и ремесленного производства на храмовых землях и торговли в обход монополии. В Розеттском декрете (Ditt. og. Gr. 90, стк. 17—18; 29 сл.) правительство Птолемея V Эпифана снизило обязательную сдачу в казну выработанных льняных тканей на две трети.

Важнейшее значение для определения развития *δδωμνηρί* имеет P. Tebt. 5 — собрание «Декретов человеколюбия» царя Птолемея VII — Эвергета II и двух цариц Клеопатр. Это обобщающий общеегипетский документ, состоящий из ряда указов, в которых излагается тяжелое положение в Египте в 118 г. до н. э. и принимаются меры для его облегчения, прощаются недоимки, предоставляются некоторые льготы и запрещаются замеченные злоупотребления. Ряд мероприятий касается и *δδωμνηρί*, выясняет положение различных категорий ткачей, занятых производством льняных изделий (см. стк. 168—177, 231—251). Из P. Tebt. 5, стк. 238—239 видно, что льноткацкие мастерские были в частной собственности отдельных хозяев, так как указ запрещает продавать как льноткацкие мастерские, так и ткань, принадлежавшую ткачам. Интересно, что в этом указе ткачи льняных полотен и ткачи шерстяных тканей оказываются в одинаковом положении, как частные владельцы. Здесь поучительно сравнение с их положением в Податном Уставе, где они объединены вместе, но как работники монополизированных отраслей. Производство шерстяных тканей фактически быстро освободилось от монополии, а льняные ткани оставались монополизированными. Теперь же в конце II в. до н. э. для производства льняных тканей в частных и государственных отраслях характерно распространение частных ткацких мастерских. И в льняном ткачестве усилилось частное производство, хотя этот процесс здесь и произошел позже, чем в шерстяном ткачестве. В этом развитии проявился объективный закон экономического развития рабовладельческого общества, общества, развивавшегося на основе уже достаточно усовершенствованных, но ручных орудий производства.

Несколько остраконов — квиванций об уплате налогов ремесленникам-ткачам, изготовлявшими изделия из льна, как раз относятся ко II в. до н. э. и ко второй половине II в. до н. э., а именно — к 133—117 годам до н. э. (Tait Ostr. Bodl. 77; 85; 127; Wilck. Ostr. II. 1499, 1525) и хорошо конкретизируют общеегипетские постановления «декретов человеколюбия», содержащихся в P. Tebt. 5. На несколько лет старше квиванция Tait. Ostr. I Camb. 6.

Следовательно, ремесленники — *βιοτελεαίς* в текстильном ремесле пережили за полтора века существенные изменения в своем социальном положении. Во второй половине III в. до н. э. они были в основном мелкими ремесленниками, владевшими ткацкими станками и производившими текстиль не только для нужд казны, но и для частных заказчиков и покупателей. К концу III в. до н. э. увеличивается значение царских текстильных мастерских, оснащенных станками, полученными от царя. Ремесленники работали в царских мастерских, выполняя определенные задания казны, и получали плату в зависимости от количества, качества и сорта выработанной ткани.

Во II в. до н. э. начинается усиление частной выработки и продажи. Ремесленники в большом количестве становятся хозяевами своих станков и даже владельцами небольших мастерских, что, если не юридически, то фактически ослабляло административную зависимость мелкого ремесленника как *эпитеλής*, зависимость, покоившуюся на пережитках общинных отношений, которые стремилось использовать в фискальных интересах рабовладельческое государство Птолемеев, рассматривая эту возможность как большой местный ресурс.

Н. Н. Пикус

ДОКУМЕНТЫ ИЗ ВАДИ-МУРАББА'АТ.

В январе 1952 г. объединенная археологическая экспедиция Департамента древностей Иордании, Французской археологической школы в Иерусалиме и Археологического музея Палестины во главе с известными археологами Хардингом и де Во начала систематические раскопки и археологические обследования в пещерах района Вади-Мурраба'ат, в 25 км к юго-востоку от Иерусалима и 18 км к югу от Хирбет Кумрана, в трех часах ходьбы от Мертвого моря¹. Здесь, как и в случае с знаменитыми находками в Хирбет Кумране, раскопки начались по следам бедуинов, нашедших в конце 1951 г. в пещерах Вади-Мурраба'ат ряд документов. Археологам пришлось преодолеть большие физические трудности и препятствия. Лишь благодаря самоотверженному и хорошо организованному труду работников экспедиции, находчивости, энергии руководителей экспедиции и их основательному знанию местности наука обогатилась рядом важных исторических документов.

Археологическими раскопками обнаружены здесь памятники поселения от эпохи халколита (IV тысячелетие до н. э.) до арабского времени. Особенно богато представлен римский период. Помимо вещественных памятников (орудия, керамика, каменные и деревянные сосуды, ткани и пр.) и монет (от правления Нерона 58/59 г. н. э. до восстания Бар-Кохбы 132—135), в четырех пещерах Вади-Мурраба'ат были обнаружены письменные памятники самого различного характера и времени. Письменные памятники, найденные в Вади-Мурраба'ат, существенно отличаются от кумранских находок. Если для кумранских текстов основным и определяющим являются библейские тексты и документы, касающиеся организации и идеологии общин, то для находок из Вади-Мурраба'ат характерным и определяющим являются деловые документы и фрагменты исторических произведений². Фрагменты библейских текстов из

¹ См. G. Lankester Harding, Khirbet Qumran and Wadi Murab'at. Fresh light on the Dead Sea scrolls and new manuscript discoveries in Jordan, PEQ, 84 (1952), 104—109 (к сожалению, статьи R. de Vaux, Les grottes de Murabba'at et leurs documents и Quelques textes hébreux de Murabba'at, напечатанные в «Revue Biblique» (avr. 1953), остаются мне недоступными); F. M. Cross, The Manuscripts of the Dead Sea caves, «The Biblical Archaeologist», т. XVII (1954), № 1, стр. 8—12; H. Bardtke, Die Funde am Toten Meer, «Das Altertum», т. I (1955), Heft 1, стр. 32—35; Albert Vinent, Les Manuscrits hébreux du Désert de Juda, P., 1955, стр. 59—64; К. Б. Старкова, Рукописи из окрестностей Мертвого моря, ВДИ, 1956, № 1, стр. 96—97; А. П. Каздан, Новые рукописи, открытые на побережье Мертвого моря, «Вопросы истории религии и атеизма», вып. 4, 1956, стр. 284—285.

² Большое количество рукописей дошло в весьма фрагментированном состоянии, а большинство мелких фрагментов обнаружено в крысиных гнездах. Как указывает Хардинг (ук. соч., стр. 107), грызуны использовали папирусы (как и ткани) в качестве подстилки в своих гнездах.